

Михаил Соколовский

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА

/ повесть-киносценарий /

Аркадию и Сергею.

Тьма, пришедшая со Средиземного моря накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонеийский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим --- великий город, как будто и не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло со стороны моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана...

М. Булгаков. "Мастер и Маргарита"

Если стоять у дальней стены недостроенного деревенского дома на шаткой, еще не укрепленной доске, держась за шершавую бревенчатую стену, когда глаза видят сквозь дверные проемы одинокую темную сосну, вырванную из общего однообразного леса, укутанную сплошной стеной дождя, странные и неуместные мысли стучат в восторженной голове...

В низенькой комнатке старого домика, какие строят на окраинах большого Города, была накрыта белая длинная скатерть, накрыта так, как могут накрыть бродяги, у которых есть немного денег: лишь несколько кувшинов вина, немного хлеба, мяса и еще что смогли раздобыть да принести. По обоим бокам этой скатерти возлежали двенадцать. Тринадцатый высокий, длинноволосый, самый старший из них --- еще не ложился, разливал вино по чашам, да разламывал хлеб на тринадцать частей. Он пригласил их на этот ужин и водою из собственных рук омыл всем ноги, и теперь двенадцать покорно ждали его, не приступали к трапезе, пока он не сел среди них и не оглядел каждого. Теплые сумерки спускались на траву за стеной, и в комнатке того дома с единственным окном где сидели они, становилось темней. Он взял блюдо с разломленным хлебом, положил на него руку, накрытую куском чистого белого легкого полотна, веки его опустились и он запел. Каждый из двенадцати привстал с ложа и стал покачиваться в такт голоса. Человек, что молился теперь над хлебом, был красив лицом и совершенен телом, и в Городе женщины говорили, что в его лице и глазах есть то, чего не было у самого Иосифа.

"Амен!"---закончил он.

"Амен!"--- отозвались остальные.

Каждый взял с блюда предназначенный ему кусок, и не говоря ни слова, надкусил его. Все так же, молча, они выпили вина и лишь после воззрились на учителя.

--- Ешьте, --- сказал он. --- Ешьте и пейте. Тут всего вдоволь.

Никто не двинулся. Они знали, что он не бывает так краток. Но учитель, казалось, не был намерен продолжать. Он отхлебнул из чаши и повторил настойчивей:

--- Ешьте!

--- Что с тобой, назарянин? --- раздался ироничный голос Иуды, злобного человека с жесткими чертами лица и всегда напряженными нижними веками. --- Ты пригласил нас для того, чтоб угостить хлебом и только? Спасибо тебе, признаться, я голоден. Но не поверю я, чтобы ты не поведал сегодня нам о новой части своего учения. Те три года, что я хожу с тобой да слушаю речи твои дали возможность мне знать тебя. Говори, мы слушаем.

--- Мы слушаем!

--- Говори! --- подхватили остальные.

--- Я скажу, --- ответил он. --- Скажу... Он вновь выпил.

--- Друзья мои! --- раздался, наконец, его голос. -- Да, я называю вас "друзья", хоть раньше и говорил вам "ученики". Этот ужин --- последний мой ужин с вами. Пришла пора. Пойдите! Дайте договорить. Мне тридцать три... Я молод. Но последние три года стоили всех тридцати, прожитых ранее. Мне кажется, я стал взрослее за это время. Да. Мне хотелось изменить людей, изменить Иудею. Святотатство хотел совершить я, изменить законы, которым тысяча лет. Нет, этого не нужно делать, не нужно... Марк, брось пергамент, что ты!.. Все это было чудесной игрой, а походило на серьезность юнца, который не ведает, что значит быть серьезным...

--- Стариковская мудрость постучалась в твою голову, сын Божий? -- - перебил его Иуда.

--- Перестань, спорщик. Я говорю ту правду, которая долго не открывалась мне.

--- Прежде ты говорил правду, открытую только тебе, Иисус. Теперь ты несешь к нам древние истины, написанные в старых книгах, выдавая их за собственную мудрость, рожденную в страшных муках. Я повторяю вопрос свой: что с тобой?

--- Я повзрослел, отвечаю тебе. Дай закончить, Иуда!

--- Говори, мессия!

--- Мессия... Кому нужно оно, мое мессианство? Рахели кармиельской, что всю жизнь в поту работала на мужа, на детей, которых рожала раз в год? Лишь в субботу могла она отдохнуть --- так я хотел отобрать у нее эту субботу. Хотел дать другое --- дух --- вернуть Бога... А Бог всегда с нею. И величие его превосходит величие моего, говорящего: "Веруй!" Она верит, верит искренней, чем я. К чему ей любовь к врагу, проповедуемая мною, когда у нее другое правило: око за око. По грехам и плата! Она человек, самый обыкновенный прекрасный человек, именно ей нужен мой уход. Для нее и еще для нескольких тысяч таких же людей я ничего не скажу в оправдание свое пред Каифой. Она будет требовать моего повешения на столбе, и не будет в сердце моем ненависти к ней, она права. Не надо ничего менять! Забудьте обо мне,

через четверть часа после того, как уйду я, забудьте! Лишь после, как-нибудь, сидя, окруженные детьми своими, скажете им: "Был когда-то человек из Назареи, в молодости ходил я за ним да слушал его подчас запутанные речи, --- тут вздох подкатит к вашему горлу, вырвется и продолжите: --- Что делать! Молодость!" И в свете светильника увидите вы якобы понимающие улыбки ваших старших детей и удивленные глаза младших. Забудьте! Лишь иногда, глядя на субботнюю халу да чашу субботнего вина, вспомните, что именно я когда-то прочитал молитву над хлебом, разломленным на тринадцать частей, да благословил последнее в жизни своей вино. И вы пили и ели. Ешьте и пейте, бывшие ученики мои!

Он лег, опершись на локоть и отпил из чаши.

--- Мрачно, учитель! --- проронил Иуда.

--- Искренно, друг! --- отозвался тот.

--- Я хотел бы поговорить с тобой, Иисус. После трапезы.

--- После трапезы. В саду Гефсиманском, на потоке Кедрон.

... Если стоять у дальней стены недостроенного деревенского дома на шаткой, еще не укрепленной доске, держась за шершавую бревенчатую стену, невозможно отвернуться, перевести взгляд на что-то другое, когда хозяин дома говорит о том, что еще недоделано, как ляжет крыша и сколько понадобится времени, чтобы поставить стены, глаза смотрят в дверные проемы --- один в другом, один от недоделанной комнаты, другой от обозначенного входа, --- и сквозь них, сквозь бревна внутренних стен с утеплительной висящей прокладкой между и сквозь кирпичную кладку внешних, видят глаза вырванную из общего однообразно зеленого леса темную стройную сосну, сгибаемую ветром и укутанную почти сплошной стеной дождя. И грянет гром, и хозяин станет говорить о необходимости на будущей крыше громоотвода, расскажет об его устройстве, взгляд скользнет вниз, на сиротливо притулившиеся под дождем в конце картинки, ограниченной проемом, два велосипеда, грязных, битых и мокрых, и мелькнет мысль, что надо бы забрать их в дом, но нельзя предложить такое хозяину, тем более, что крыша еще не достроена и протекает. И бьют по дереву часто капли и разлетаются брызгами и колотят по доскам, бревнам, железу начатой крыши и грязных велосипедов, по дергающимся листьям, земле, траве, текут по лицу и шее, исчезают в ткани одежд, превращаются в грязь на земле, в лужи на досках да в ручейки на металле; льет дождь, теплый, свежий, дневной дождь, после жаркого и солнечного утра. А хозяин скажет, что и где еще надо укрепить да оббить и предложит подняться на второй этаж. И вдыхая наверху жесткий запах мокрой древесины, оглядываясь на поле, на разбитые огороды, на другие недостроенные дома, на одинокую сосну, на теплый весенний дождь, на море зелени, на пруд за ней, хочется стоять вот так подольше, вертеть головой, смотреть, вдыхать запахи и никуда не идти, не ехать, не бежать...

... Есть где-то Город, великий Город, солнечный, жаркий, там ходят с непокрытыми головами только незамужние девушки, да и те берегут головы от жары; там рядом с блестящими раскаленными машинами величественно ходят навьюченные верблюды, и мужчины во влажных турбанах погоняют их; там солнце по вечерам тонет в море, а утром поднимается из-за горы; там нет облаков на синем небе, там нет камней в желтом

песке; там старики в полосатых по краям талесах и туристы просто в кипах приходят вечером к большой древней каменной стене, и старики молятся и плачут, стоя на коленях, приседая и покачиваясь, воют, говорят с Богом на твердом, шипящем и жарком языке, а туристы кладут в щели стены записочки и смотрят на стариков; там живут люди со всего мира, там живут родственники; там --- святая, обетованная земля; туда вел народ свой пророк Моисей, туда запрещено было Господом войти ему самому; там, чуть за Городом, молился в последний раз сын Человеческий, Иисус, там, по дороге к Лобному месту, шел он обнаженный, увенчанный острым терновым венцом, тащил на плече тяжелый, неотесанный крест, шел, чтоб умереть страшной смертью, философ вместе с разбойниками...

Боже, дай лишь увидеть этот чудесный край, где течет молоко и мед, землю Израиля, землю отцов моих. Конечно, только увидеть! Но потом, как-нибудь после...

А сейчас, стоя наверху, на чердаке деревенского недостроенного дома, глядя на одинокую темную стройную сосну да на стену теплого дождя, вдыхая жесткий запах утеплительной прокладки и мокрой древесины, вовсе не хочется никуда идти, ехать, или бежать...

... Он стоял на холме, глядя в красное солнце, постепенно опускающееся солнце, улыбался и чуть заметно шевелил губами. Черные длинные волосы его спускались потоком на белую хламиду. И не было в эту минуту для него ни заснувших после плотного ужина учеников, ни Города, великого Города, где-то там, за садом, ни впечатлительного Марка, все время пишущего что-то, ни ироничного умного Иуды, ни дерева в саду, ни самого сада; был только красный, пропадающий диск да он, Назарянин, прозванный сыном Божьим каким-то юродивым на берегу Иордана.

Странная то была история...

Иисус подошел к реке, увидев толпу, потешавшуюся над бедным больным слабоумным человеком в лохмотьях. Человек кричал, что ждет того, кто сильнее его, ждет пророка, мессию, что именно он, тот юродивый, призван указать на него людям. И какой-то римлянин-солдат в толпе подмигивал своему напарнику, а тот ухмылялся и кивал головой.

Вдруг раздвинулись тучи, вышло желтое солнце, заиграл, заблестел песок под ногами, и юродивый прокричал:

--- Видите! Свет льется с небес на вас, люди! Это знак того, что Он идет!

--- Ну, и где же он, твой мессия? --- раздался грубый голос из толпы, за которым последовал смех.

--- Вот он! --- провозгласил нищий и простер руку в сторону Иисуса. Назарянин был удивлен, но не смог отказать слабоумному, разделся донага, вошел в воду и подставил голову под грязную руку юродивого.

Толпа притихла, улыбки сошли с лиц, и птицы, до тех пор кружившие в воздухе, опустились, наконец, на землю. И в наступившей тишине юродивый прокричал:

--- Благодарю тебя, Господи! Благодарю за сына, посланного тобою на землю во искупление грехов наших! Люди! --- юродивый обратил лицо к толпе. --- Вот он --- сын Божий!

Назарянин не знал, что ему делать, он стоял, он вбирал происходящее, стараясь ничего не пропустить, лучше запомнить.

А на берегу толпа, люди, наиболее впечатлительные из них наскоро сбрасывали с себя одежды, да бросались в воду. Каждый старался подлезть под руку человека, сльившего так недавно слабоумным, раньше другого, давя соседа да притапливая его в воде.

И еще копошились люди в реке да по берегам ее, когда выбравшийся из мокрой обнаженной толпы Иисус, облачаясь, увидел, как двое римских легионеров уводят связанного юродивого по направлению к Городу.

Говорили, будто бы нищий умер. И много странного рассказывала о его смерти молва...

Иисус вздохнул.

Теперь пришла его пора...

Реб Иешуа сказал однажды, что каждый еврей должен успеть за минуту до смерти произнести "Слушай, Израиль!" Тогда кто-то из мальчиков сказал:

--- Ребе, но ведь нам не дано знать час нашего конца!

--- Верно, --- отвечал старец. --- Потому прочтите эту молитву сейчас и постарайтесь сделать так, чтобы впоследствии вам не в чем было каяться!

И мальчики, которые едва отпраздновали бармицву, приседали и твердили нараспев древние библейские слова.

Иисус закрыл глаза и запел:

--- Шма Израэль! Хошем элохейну, хошем эхат! Шма Израэль!

Он стоял на холме, мерно покачивался в такт и все усиливавшимся голосом повторял слова молитвы, и бесконечные ее периоды неслись над вечерним садом, над чуть колыхавшимися деревьями, над спящими учениками, вслед уходящему солнцу.

--- Шма Израэль! Хошем элохейну, хошем эхат!

Узкая полоса солнечной красноты зацепилась за гору, и он все смотрел и смотрел в ту сторону, все пел и пел:

--- Шма Израэль! Хошем элохейну...

Такое же красное пропадающее солнце было тогда, в детстве, когда мать его, Мария, направлялась на осле из Вифлеема, и шел с нею рядом старый плотник Иосиф, который всегда был рядом с матерью. Поговаривали, будто бы этот старик без памяти любит Марию, многие смеялись над ним... Но из этого смешного чувства родилась опора для юной одинокой Матери и младенца. Иосиф всегда был рядом, на него всегда можно было рассчитывать, и когда он умер, маленький Иисус не почувствовал жалости или горя, просто из его детской жизни удалили что-то настолько привычное, что теперь к отсутствию этого пришлось долго привыкать. Добрый и трогательный человек был старый плотник Иосиф...

--- Шма Израэль!

Исчез последний луч солнца, узкий краешек скрылся, Иисус дотянул:

--- Хошем эхат... --- и замолчал.

Ничто не мешало наступившей тишине, только сверчок, да тихий шорох темных листьев.

--- Красивый холм! --- раздался вдруг низкий насмешливый голос.

Иисус обернулся.

В тени под деревом стоял Иуда. Глаза его были прищурены и одна половина лица ухмылялась.

--- Не рано ли ты запел последнюю молитву?

--- Реб Иешуа говорил, что "Слушай Израиль!" надо прочесть как можно раньше и постараться сделать так, чтобы впоследствии не в чем было каяться...

--- Реб Иешуа? Ты рассказывал нам о нем. Уж не тот ли это реб Иешуа, что выгнал тебя из ешивы? Кстати, Иисус из Назареи, а за что тебя, пророка, проповедника, выгнали из ешивы? Не кажется ли тебе, что это странно?

--- Что ты говоришь, Иуда?

Вновь ухмылка исказила злобное лицо.

--- Я говорю, холм красивый ты выбрал для последней молитвы.

--- Перестань! При чем тут холм?

--- Ты не можешь, Иисус, без красивых жестов. Сегодняшний ужин тому пример. Эти мальчишки не вымолвили ни слова во все продолжение трапезы, кроме "Налей вина!" да "Передай хлеба!" А Марк все время что-то писал. Скажи, Иисус, ты потому и держишь его подле себя, что он записывает за тобой?

Иисус поежился и втянул голову в плечи. Иуда продолжал: --- А ты загляни в его записи, ужас охватит тебя. Он же фантазер! Вспомни, где ты его нашел. Помнишь? Помнишь! В толпе у Иордана принимал благословение юродивого вслед за тобой. Сколько ему было?

--- Семнадцать...

--- Нет, назареянин, шестнадцать. Мальчишка. Уверен, сегодня он записал что-то вроде: "И сказал Учитель в длинной своей прощальной речи: `Ешьте и пейте, сыны мои, этот хлеб и это вино. И каждый раз, вкушая хлеб, вспоминайте своего Учителя...'" Что-нибудь такое. Теперь ему девятнадцать. Мальчишка! А ты таскаешь его с собой, этого впечатлительного юнца. Он записывает, Иисус, записывает! Он много расскажет миру. Он создаст образ Иисуса, сына Божьего, Царя Иудейского. Таким будешь ты в глазах потомков. Но именно ему будь благодарен, что о тебе будут помнить! Он фантазер, он юнец, а ты, Назареянин? Ведь ты играешь для того, чтоб он записывал, не так? Ты играешь хорошо, а он записывает так, как он хотел бы, чтобы ты играл. Знаешь, Иисус, он умеет писать. У него подчас выходят красивые сцены. Чего стоит одно преображение сына Божия! "Одежды его сделались белы, и по одну его руку стал пророк Моисей, а по другую --- Илия. И в облаке явился им сам Бог-Отец и молвил: `Се сын мой возлюбленный и на нем все мое благоволение.'" Каково, Царь Иудейский? А покаяние грешницы, Марии Магдалины? Ты помнишь? Помнишь! Ты, Иисус, как мальчишка, увлекся ее прекрасным лицом да телом стройным, подобным телу лани, пошел за ней, попался, она взяла тебя повадками блудницы. Тебя, сына Божьего! Ну, хорошо! Это еще можно понять, ты, все же, сын человеческий! Но скажи мне, Иисус, зачем перед тем, как пойти за ней, ты произнес с пафосом: "Я отпускаю тебе грехи твои!" Она и впрямь плакала, та женщина, она действительно сознавала свое ничтожество. Но стала ли она праведницей, Иисус? Перестала ли она грешить? Пошла ли она за тобой? Мне ли тебе говорить, что этого не случилось! Это ты пошел за ней, сын Человеческий! Но не бойся, тогда никто не заметил, куда ты пошел. Все запомнили твои слова, думали, что это такое ты сказал, а кто-то восклицал: "Да кто он такой, чтобы так говорить?" А знаешь, как записал

это Марк? "Кто без греха, пусть бросит в нее камень!" Как красиво, Иисус! Он талантлив, Иисус, Марк талантлив. Он наградил нас кличками, каждого из нас. Иоанн получил почему-то титул "любимого ученика", я --- жадный Иуда, ты... О!.. Тут он не жалеет красок. Его Матфей бросает деньги на дорогу и восклицает, что отныне деньги становятся ему ненавистны. Его Симона зовут Петром, а Зилот поет тебе такие восхищенные хвалы, что жадный Иуда, который, кстати, еще язвительный и злой, отворачивается и уходит. Ты не читал его записей, назарянин, не читал?

--- Не понимаю, Искарriot, за что набросился ты на малыша Марка?

--- Как ласково, Иисус, ты поминаешь его!

--- Ты не отвечаешь, Иуда!

--- Ответа ты ждешь? Вот тебе ответ. Не на Марка набросился я. Таких юнцов в Иудее много. Они исписывают горы пергамента. Стада, слышишь, сын Божий, стада гибнут для их прихоти! Но об одних людях такие юнцы пишут правду, о других безбожно лгут, третьих выдумывают, а о таких, как ты, мессия, сочиняют. Сочинять и лгать --- совсем не одно и то же, верно? И неизвестно еще, что хуже, что опаснее: сочинять или лгать. Потому, что фантазии так похожи на правду, а ложь с первого слова видна. В сочинения Марка поверят, Иисус! Но не в этом дело, --- из глаз иудиных исчезла вдруг насмешка, он отвернулся от лица Иисуса и заговорил так, будто то, о чем он говорил, являлось предметом долгих размышлений и истинного его интереса. --- Важно другое, --- повторил он мягче. --- Важно понять, как такие мальчишки знают, о каком человеке во что бы то ни стало надо писать все, как есть, ничего не утаивая и ничего не прибавляя, о каком позволено и солгать, кого выдумать, а о ком и присочинить не грех! Не в пишущем дело, назарянин, --- Иуда вновь повернулся, и взгляд его впился во взгляд Иисуса. --- Дело в описываемом! Ты позволил ему так писать о тебе! Не так достойно ты вел себя, чтобы писать о тебе правду. Слишком серьезно жил ты в избранной тобою роли, чтоб о тебе лгать. Выдумывать тебя не пришлось, ты существуешь. Ты великолепно играешь, Иисус, но много оставляешь ты недосказанным, недосделанным, незавершенным, а, значит, умный мальчик Марк все твои незавершенности постарается заполнить за счет своей фантазии. Он умен, но еще слишком юн, чтобы недосказанное тобою оставить недосказанным на пергаменте. Он дойдет до этого. Позже. Но к тому времени "Житие Сына Божьего" уже будет существовать в первоизданном, завершенном юным Марком виде. И повинен в неверности образа Иисуса из Назареи сам великий Назарянин! Каково?

Иуда улыбнулся зло, обнажив белые зубы, и злое любопытство играло в его темных глазах. Он резко откинул рукою со лба свои длинные вьющиеся волосы и закончил:

--- Ты удачно играешь, Иисус! Представление для Марка выходит удачно, а для остальных твой спектакль опишет тот, для кого ты играешь. И опишет под стать тебе, удачно. "Апостол Марк об Учителе своем Иисусе" --- недурное наименование, а? Не молчи! Произнеси хоть слово!

До сего времени широко открытые глаза Иисуса теперь сузились, он чуть качнулся вбок, отер со лба холодные капли и сказал тихо:

--- Ты говоришь... --- Иисус запнулся, тряхнул головой, глотнул. -- Ты говоришь, что я играю роль. Каждую секунду. Что ж, может ты и

прав. Я знал, что Марк записывает за мной, но я не думал и сейчас сомневаюсь в том, что он *так* записывает. Я играю? Возможно. Ты говорил о преображении? Я не знаю, что померещилось Марку спросонья. Я молился там, на горе, а ученики мои заснули... Я не виню их. Мы долго шли... Ты вспоминал Магдалину? Не надо... Я... Я любил ее... Не смейся. А то, что я произнес... Мне захотелось что-нибудь сделать для нее. Да. Слишком много пафоса, знаю. Но я повзрослел, говорю тебе. Невозможно осчастливить всех людей сразу, обратиться к Богу, причем к тому Богу, что существует только для меня. У каждого свой Бог, теперь я это знаю. Я хотел изменить людей, изменить Иудею. Не нужно было этого делать, не нужно. Конечно! Разве можно было поверить в то, что от меня может исходить что-то доброе, когда я время проводил с разбойниками да великими грешницами. Я и их хотел изменить и тем самым сделать их счастливыми... Сейчас это даже смешно. Мне тридцать три. Знаешь, Иуда, я стал часто думать о том, что если бы я жил той жизнью, какой живут все обыкновенные люди, сделал бы хупу, окружил бы себя множеством детей, занялся ремеслом, я был бы счастлив. Но я стал покушаться на святая святых, что есть у евреев, на Тору, на слово Божье! Конечно, Синедрион невзлюбил меня. И теперь настал мой час.

--- Откуда ты знаешь! Ты молод. Ты еще сможешь жить счастливой обыкновенной жизнью.

--- Нет, Иуда, я чувствую. Я играю, говоришь ты? Возможно. Но вспомни, Иуда, слепые действительно обретали зрение, вода обращалась в вино на свадьбе в Кане, мертвые вставали, помнишь старика Агасфера? И все это --- игра? Тогда не я один играл. Мне помогали.

--- Я помню старика Агасфера. Это тот, кто теперь живет в Городе, полон здоровья и является верным рабом греха. Для чего воскресил ты такого человека? Или он стал таковым после воскрешения? Тогда зачем оно, воскрешение из мертвых? В этом игра, мессия! Ты действительно силен, но сила твоя нужна тебе лишь для того, чтоб удивлять ею людей, тех одиннадцать, спящих там, в саду, набравшегося впечатлений за день усталого Марка. Не так?

Иисус опустил голову и замотал ею часто-часто.

--- Не понимаешь ты многого, Иуда, да и я сам, признаюсь, не все успел постигнуть...

В ту ночь Марку не спалось. Он недолго ворочался с боку на бок, стараясь уснуть, но сон не шел. Тогда он встал, оглядел спящих на траве, глянул на луну, вздохнул глубоко и медленно двинулся куда-то. Марк бродил по саду и смотрел то на луну, то на звезды, то на деревья, то на траву... Мысли его текли вяло и плавно; иногда он останавливался, щурил правый глаз, после щелкал пальцами да шел дальше. И все бормотал, бормотал, бормотал...

Учитель говорил сегодня прощальную речь. Говорил так коротко, как не говорил никогда. И, кажется, он был растерян. Раньше он никогда не выглядел таким, он пришел изменить людей, изменить Иудею, как можно сделать все это без веры в себя, в необходимость собой свершаемого, и она, эта вера, в нем была, это знание, что иначе быть не может, всегда было с ним. А сегодня вечером... Сын Божий говорил тихо, скромно, извиняясь и оправдываясь. Он говорил про уход. Может, он говорил про

свою близкую смерть? Наверное так оно и было... А Иуда? Почему злой Иуда взвился, стал ему перечить, оскорблять Учителя? Зачем стал говорить о том, что Иисус не произносит ничего нового? Что случилось с Иудой? И что случилось с Иисусом? Нет! Иисус такой, каким был всегда. Конечно! Добрый, мягкий и скромный. Он сам омыл всем ноги. Сам разломил хлеб на тринадцать частей, все, как раньше. А Иуда, верно, как-то причастен к этому самому уходу учителя. Может, они разговаривали об этом раньше. Жаль, меня рядом не было! Да и после трапезы Иуда пожелал разговаривать с Иисусом. К чему бы это? Может быть...

Марк снова прищелкнул пальцами, постоял чуть у подножья, после стал взбираться на холм, все так же не спеша, петляя и плохо представляя куда и зачем он направляется...

--- Их десятеро, а было всегда тринадцать.

Вокруг спящих апостолов толпились десятеро легионеров и тихо, чтобы никого не разбудить, переговаривались между собою.

--- Где еще трое?

--- Где-нибудь поблизости, в саду.

--- Ну, и кто из них?

--- Я думаю, скорее всего, это кто-то из этих троих, которых нету. Всегда говорили, будто он набожен, любит молиться с избранными учениками где-нибудь на возвышенности. Вот и сейчас, верно, взял двоих и пошел куда-нибудь.

--- Ладно! Семеро остаются здесь, трое отправятся на поиски.

Трое назначенных стали перед старшим, выслушивая последние указания.

--- Не забудьте, деньги Каифа велел отдать тому, кто поможет найти его.

И трое легионеров, взяв копья наперевес, двинулись вглубь сада...

Марк резко остановился, он не мог двинуться дальше, так и остался стоять с приподнятой рукой, широко раскрытыми от удивления глазами, спрятанный только зеленой широкой завесой раскидистого куста шиповника.

На вершине зеленого холма, сплошь покрытого травой, под единственным находившимся там деревом стоял Он, Иисус, Сын Божий, Царь Иудейский и обратив лицо в розовый край выдирающегося из-за скалы восходящего солнца, говорил, говорил...

Сидящего поодаль, чуть за деревом, Иуду схоронившийся за кустом Марк увидел не сразу. Но сразу в глазах его заблестел огонь любопытства, и сразу стал он глотать каждое произнесенное слово, каждый сделанный жест, каждый оброненный взгляд.

--- Моя мать, --- говорил Учитель, --- когда ей было шестнадцать, согрешила и в семнадцать родила меня. Отца своего я никогда не знал. Рядом с матерью всегда был старик, плотник Иосиф, он был влюблен в Марию. Трогательно, не правда ли? Потом он умер, мать осталась одна. Однажды, придя с Марией в синагогу, мы, как и должно, разминулись, она пошла вверх, я остался внизу. После она ждала меня долго у входа, --- я, двенадцатилетний мальчишка, стал спорить с мудрецами; до сих пор не могу понять, как им удавалось терпеть мои детские, глупые, "собственные" выводы. Они спокойно мне все объясняли, и я слушал. Мне было интересно. Узнав о том, Мария, которая всю жизнь замаливала свой грех перед Господом, отдала меня учиться в ешиву, едва минула бармицва.

Но и там я не удержался от споров, и реб Иешуа выгнал меня. Я боялся идти к матери. Бродил из города в город, создал собственное учение, проповедовал. Три года назад я подошел к Иордану, принял благословение слабоумного и вошел в великий Город. Я хотел изменить мир, изменить Иудею... Глупость. Серьезность юнца... Боже! Если бы можно было только начать сначала, вновь родиться, пойти в ешиву, не спорить с мудрецом Иешуа, закончить ее, вернуться к матери и заниматься тем, чему учил меня Иосиф --- плотничать и иметь учеников обыкновенного дела, я много бы за то дал. Но поздно! Город готовится к пасхе. Я не ропщу... Я готов... Просто... мне тридцать три... я молод... Немного грустно...

Марк поискал за пазухой и нащупал кусок пергамента, но вновь взгляд его устремился на Учителя. Рядом с ним вдруг появился Иуда, он просто встал, вышел из-за дерева, открылся Марку. На лице его не было ни злобы, ни насмешки, была тревога и понимание. Он медленно, нерешительно, молча подошел к назарянину, положил руки на его плечи, медленно приблизился к нему и робко прикоснулся горячими губами к покрытой щетиной щеке. Он обнял назарянина, положил голову ему на плечо. Он будто молил прощенья у него за что-то сделанное, сказанное.

Марк был в восторге. Глаза блестели, довольная улыбка перерезала лицо. Он уже быстро-быстро что-то писал, изредка поглядывая на тех двоих, нетерпеливо ожидая продолжения.

"Солнце показалось над горою. Иуда поцеловал Иисуса!"

Из кустов напротив Марка вышли трое легионеров, они хохотали и восклицали:

--- Как просто!

Иуда отстранился.

--- Как хорошо! С чего бы тебе, бывший меняла, его целовать, если это не тот, кто нам нужен?

--- Держи, Искарот! Заслужил!

Солдат отдал Иуде в руки черный маленький кожаный комок, тот растерянно принял его, глянул испуганно на Иисуса, которого уже взяли под руки, сказал тихо:

--- Нет... Это не так!..

Иисус улыбнулся горько, кивнул головой и его увели.

Из кустов вышел Марк. В руке его зажат был кусок пергамента, по щеке текла слеза, глаза его осуждающе глядели на Иуду. Лицо того вновь окрасила холодная злоба, он подбежал к юнцу, и звонкая пощечина качнула Марка вправо.

Марк вновь глянул на Иуду, но тот упал на траву и, закрыв лицо, громко зарыдал.

А внизу десятеро, сдерживаемые семью легионерами, глядели в спину уводимого учителя.

Над садом горел рассвет...

... Если посреди бешенства города ранним, еще темным утром повлекут гулким звоном огромные колокола старой церкви, которую со всех сторон уже давно обступили высотные дома, возможно ли противиться желанию выйти на улицу из квартирнго тепла в весеннюю прохладу и пойти туда, на колокола, на молитву? И чем ближе к звону, тем громче гул

колоколов, и многочисленной кажется толпа, и величественней ---
церковь...

--- Торговец! Вина!

Маленький кожаный комочек, металлически звякнув, оказался в иссохших темных пальцах старика-торговца. Он сидел на земле и, скалясь, пересыпал монеты.

--- Здесь тридцать серебряников!

--- Дай мне, старик, кувшин вина!

--- Бери... Возьми, добрый человек, благослови Бог твою щедрость!

--- торговец стал суетиться, заспешил.

--- Щедрость, ты говоришь? --- странная ухмылка, в половину лица, дернула суровые черты. --- Так, щедрость?!

Но не слышал уже вопроса старик, а счел нужным убраться прочь.

--- Щедрость!.. --- сказал сам себе Иуда и отхлебнул из чаши.

--- Ты ли это, Иуда? --- услышал он знакомый юный голос. ---
сидишь на дороге и пьешь без повода? Что с тобою?

--- А, Марк! Не надо меня поучать! Садись рядом, выпей!

Марк не двинулся. Иуда дернул вниз голову, скрыл глаза от беспощадного юношеского взора и спросил, тихо, сдавленно:

--- Что там?

Марк понял, о чем хочет знать Иуда.

--- Его повели к Пилату. Во второй раз. Его убьют, Иуда?

Иуда кивнул:

--- Пришла его пора!

Глиняная чаша опустела и была наполнена вновь.

--- Что же ты не садишься?

--- Его убьют, Иуда! --- укоризненно выкрикнул Марк.

--- К чему ты говоришь это мне так? Не надо меня корить! Я дурного не сделал ничего, кроме того, что спорил с ним.

--- Ты поцеловал его, Иуда! Ты подал им знак!

Иуда резко поднял голову, глянул исподлобья на Марка. Часто ухмылка появлялась на злобном лице, но никогда до того Марк не слышал иудиного смеха, теперь Иуда смеялся, да так, что кожу Марка стали колоть маленькие холодные иглы где-то слева.

--- Так все уже! --- вскричал Иуда. --- Клеймо изготовлено! Иуда Искарот --- предатель! Предал поцелуем? Красиво! --- Иуда перестал вдруг смеяться, стал серьезен. --- Ты ничего не понял, юнец! А хочешь я расскажу тебе, я скажу... Хочешь? Садись рядом!

--- Стоит ли здесь сидеть, Иуда?

--- Ты прав, Марк, прав! Возьми кувшин, пойдем со мною!

--- Куда?

--- В пустыню. Да. Солнце еще не так зло, до полудня далеко. Там есть такое место, помнишь, где над рекою обрыв, где песок льется вниз по стене обрыва к быстрому потоку Кедрон! Пойдем туда, пойдем со мною!

Марк пожал плечами, простонал что-то.

--- Ну, Марк! Во дворец Пилата тебе не пробраться! Ты не знаешь, что там происходит! Пойдем со мною!

Иуда поднялся, переполненный кувшин оказался на плече Марка.

--- Я расскажу... Я скажу... --- бормотал Иуда. --- В пустыню...
Пойдем... Пойдем со мною...

По колено проваливаясь в песок, они уходили от дороги, и ветер швырял им в лицо мелкие злые желтые брызги.

Иуда говорил:

--- Ты говоришь, я --- предатель! Я совершил зло. А добрый и праведный теперь обречен на смерть. И я тому виной. Так?

--- Но, Иуда...

--- Пстой! --- Иуда запрокинул голову, жадно глотая винную красноту. --- Пстой, --- повторил он, отирая рот. --- Скажи, юнец, что есть зло? Не мое зло, а вообще, зло? Ну? Что же ты молчишь?

Иуда выхватил кувшин из рук Марка, отвернулся от него и пошел впереди, не переставая говорить, но и ни разу больше не обернувшись.

--- Кровь и предательство, подлость и глупость всегда лились без меры. А началось все с того, что от скуки праматерь наша Ева ослушалась Бога своего, отведала с запрещенного дерева и угостила мужа. Почему? Да потому, что поразила ее скудное воображение игра солнечных лучей на змеиной чешуе в зеленых ветвях дерева. "Не может быть плохо то, что так прекрасно!" --- была ее мысль. И что же? Змей --- предатель? Он наказан Богом! И потомки его ползают, пресмыкаясь, на животах своих. А вина-то чья? --- Иуда вдруг перешел на шепот, а палец поднял кверху. --- А вина-то его, Бога нашего Всесильного, Владыки милосердного. К чему, Господи, насаживать в саду райском такое страшное дерево? Видно, угодно было тебе, чтоб рано или поздно отведали дети твои плодов запрещенных! Не так? Так к чему, Господи, за свою жестокость наказывать невинного? К чему?

--- Иуда, ты пьян, --- выдавил потрясенный Марк. Вовсе не желал он, чтобы Иуда кончил говорить, но долг свой человеческий прекратить кощунственные речи Марк посчитал нужным исполнить. --- Ты пьян, Иуда!

--- Нет! --- прорычал тот в ответ. --- Лишь теперь я трезвею! Послушай меня, Марк! Вот Каин убивает Авеля, кровь брата на руках его. "Где брат твой Авель?" --- "Разве я сторож брату своему?" Он так же наказан страшной карой. Он обречен на вечность, на проклятую вечность! А виноват кто? Все он же, Всевышний! Это он благосклонно принял жертву Авеля и отвратил взор свой от Каиновой жертвы. Что это было? Испытание для Каина? Пусть так! Пусть он не выдержал его! Но в том, что пролилась кровь невинного, снова виноват он, Всемогущий! Не так?

--- Прекрати, Иуда, перестань!

--- Нет, дай сказать, Марк! Уж ежели пошел со мной, то садись и слушай!

На краю обрыва, над глубоким прозрачным Кедром, пересыпая песок, сидел, опустив голову, Марк, а рядом с чашей в руке стоял Иуда, подняв лицо к небу, и все говорил, говорил:

--- Предательство и глупость, подлость и кровь!.. В безопасности жить хотелось в чужом краю Аврааму. Желание вполне человеческое, понятное. Но почему безопасность свою он купил за жену свою? И почему Бог его оправдал его, а наказал царя, находящегося в неведении? Что за вероломный суд вершит Владыка?

--- Опомнись, Иуда!

--- Исак был жертвенным агнцем в руках отца своего Авраама. Страшное испытание придумал Господь пророку своему! Часто мучит мысль меня, что если б не исполнил Авраам божьего наказа, и проклял бы его Господь, и проклят был бы народ Израиля? Что если б взбаломшный столетний старик принес бы эту страшную жертву, и кинжал бы вошел в родную сыновню плоть, и не было бы Израиля? И не явился бы на свет столь обожаемый тобою Учитель? Что, юнец?!

И вновь холодный хохот Иуды раздался над водою Кедрона.

Марк поднял голову, рот открыл, пытаюсь возразить, но хрип лишь вышел из его горла, голос не слушался его. А Иуда дернул голову, Улыбка исчезла с губ, он оглянулся пугливо, пригнулся и прошептал:

--- Быть может, Авраам по своей воле не довершил жертвы? И Израиль проклят? И жить теперь иудеям в муках?!

Марк чуть заметно мотнул головой, глаза Иуды закрылись, губы впилась в край чаши, а маленький комок на шее его быстро заходил вверх-вниз. Рука Иуды разжалась вдруг, чаша разбилась шумно о камень, и маленький ее кусочек упал, брызнув, в воду. На песке уродливо разлилась медленно бледнеющая красная лужа.

--- Кровь, --- тихо сказал Иуда, --- и глупость, подлость и предательство!..

--- Иуда, --- подал голос Марк, --- Иуда, пойдем отсюда. Довольно, Иуда! Пойдем! Я помогу тебе! --- Марк встал.

Но слова его будто не к Иуде были обращены, тот широко раскрытыми бессмысленными глазами уставился на камень, мокрый от вина, руки повесил, будто в бессилии, и говорил теперь тихо:

--- За чечевичную похлебку купленное первородство... Что? Иаков -- предатель?.. Обманом полученное благословение... Иаков подлец? Нет! Это шутка Бога --- выпустить из материнской утробы первым глупого, сделать его сильным. Тебе слишком скучно, Господи, наслаждаться своим твореньем в тихом саду Эдема. Так к чему за выдуманный тобою грех наказывать Иакова самой страшной карой --- потерей сына?! Не по твоей ли прихоти льется вся эта подлость, предательство, глупость и кровь!

--- Иуда!

Иуда медленно поднял голову, раскинул руки, и голос его снова стал звучней, сильнее:

--- Жадность и предательство! Страх и кровь! Коли угодно было тебе, чтобы отправился красавец-Иосиф в Египет, чтобы спустившись, возвысился там, к чему наказывать доброго Рувима тринадцатью годами страданий? К чему Йегуду лишать двоих сыновей? К чему братьям немилость и неприязнь отца? Разве не ты владел их помыслами, устами и снами Иосифа, чтобы сердить братьев?

Иуда поднял кувшин, стал пить из него, и две маленькие красные струйки побежали по щекам его, каплями спадая на плечи.

--- Иуда, довольно! Перестань пить!

Марк подбежал к нему, отнять было хотел кувшин, да нога подвернулась, провалилась вниз, посыпался мелко к реке песок, и упал бы Марк, если б за горло не схватила его мокрая сильная рука Иуды; тот сперва поставил осторожно кувшин на песок сзади себя, после сжал руку крепче, втащил, все так же, за горло, Марка наверх и бросил его на песок.

--- Не останавливай меня, юнец! Иначе Он убьет и тебя!

И снова страшный хохот Иуды заставил Марка вжать в плечи голову.

--- У Господа такое развлечение --- убивать невинных! Шестидневных младенцев Израиля в Египте! Для того ли ты привел их вниз, чтобы сделать рабами и убивать, убивать?! Вовремя осознал ты, что так не сбудется пророчество твое, не размножится Израиль, подобно песчинкам по берегам потоков и рек земли Канаана! Выдумал ты пророка, извлеченного из воды Моисея, чтобы вывел он евреев из Египта! Куда? Назад, в страну Каанеев! Зачем же было уводить их оттуда? Чтобы Иаков увидел любимого сына? Да за тринадцать лет он привык к тому, что не увидит его больше никогда. Или ты думал, что в Египте смогут евреи жить? Ошибся?! Слышишь, Марк, Господь ошибся! Не верю я в это! Как римляне выпускают нагих силачей на поле, чтобы кулаками и мечами уродовали они друг друга, и получают удовольствие от вида потоком льющейся крови, синевы сплюснутых носов и неестественности изуродованных тел, так и ты, Всесильный, наслаждаешься людскими неприкрытыми для тебя уродствами! А знаешь ли ты, Боже, что евреи ненавидят римлян?!

--- Иуда! --- прохрипел Марк. Он все еще тер рукою покрасневшую шею. --- Иуда, замолчи! Прошу тебя!

--- Ты знал, что ждет их в Египте и потому и повел их туда, за тем же повел обратно! Глупость! И страх! Предательство и кровь... Да! Именно кровь пролил Моисей в начале своего пути. Благословение пророка своего кровью --- страшное благословение! Не так?!

И вновь Иуда пил. А желтое злое солнце поднималось все выше, слепило глаза, еще и бликами появляясь в воде, и раскаляло песок под ногами. Теперь не выпустил кувшина из рук Иуда, оставил его в руке, другую, сжав ее в кулак, вытер губы.

--- По образу и подобию!.. Верно! Разве нет в тебе хоть одного из человеческих достоинств? Жадность и подлость, предательство и тщеславие!

--- Иуда! --- простонал Марк.

--- Да! Именно тщеславие! --- вновь криком стал голос Иуды. --- Не из тщеславия ли ожесточал ты сердце фараона, чтоб не выпустил он евреев из Египта, чтоб десять казней навести на египтян, чтоб показать, что ты --- Бог! А не страдали ли из-за них и иудеи? Конечно, по временам ты вспоминал о них и оберегал, но было, что и нет! Из всех предателей, настоящих, прошлых и будущих, самый страшный --- ты, Бог Авраама, Исака и Израиля! Ты предал народ свой! Избранный тобою народ!

--- Иуда! --- и снова Марк следил за прыгающим кадыком на шее Иуды. --- Иуда, уйдем отсюда! Время к полудню, уйдем!

Иуда качнулся вперед и, чтоб не упасть, поставил ногу на камень.

--- Теперь предатель --- я! Я подал им знак! Предал поцелуем! Это ты предал его, ты в головах солдат истолковал мой поцелуй, как знак, и на твои кровавые деньги, деньги, которые следовало отдать тебе, я пью это вино! Ты видишь, ты слышишь меня, Вездесущий?! Вот я! Как же ты справишься со мною, со мною, посланным тобою на землю для нового великого предательства?! Вот я! Предатель Божий --- Иуда Искарот!!

Иуда захохотал громче прежнего, голову закинул далеко назад, глаза закрыл и широко открытый его рот извергал страшные хриплые звуки. Вовсе не рад был теперь впечатлительный Марк, что оказался здесь. Иуда вдруг

взмахнул смешно руками, выплеснув из кувшина, в глазах его на мгновение показался испуг, нога скользнула по мокрому камню, Иуда успел пропеть: "Ма-арк!", перевернулся, ударился спиной о стену обрыва, вода с шумом сомкнулась над ним и брызги долетели до Марка.

--- Иуда? --- почему-то на животе подполз Марк к краю и глянул вниз.

Вода успокоилась, но Иуды нигде не было видно. Желтые блики злого солнца на воде не давали Марку рассмотреть реку. Он подождал немного, но спокоен был Кедрон.

--- Иуда-а-а!.. --- прокричал Марк, голова его упала на руки, и он зарыдал.

А внизу в красном пятне на голубой воде плавал порожний кувшин из-под вина...

... Сотни лет злое палестинское солнце жгло эту дорогу, сотни лет тысячи босых грязных истерзанных ног топтали ее, сотни лет она лишь расширялась и серела, сотни лет сухие ветры тонко наносили сюда новые и новые слои желтого песка пустынь, и он втапывался в дорогу ступнями, каплями редкого дождя и частой крови израненных тел, кровь уходила в землю, песок втирался в поверхность --- новые песчинки между старыми -- - и вновь серость --- привычный цвет --- схватывала дорогу всю от самой ямы-темницы до конца, до Лобного места. С каждым днем, с каждой казнью дорога становилась выше из-за песка, ветров и ног, по ширине своей приобретала очертания полукруга, вытянутого в сотни метров холма, насыпанного невольню вала, и теперь осужденных вели по вытянутой вершине этого холма, по самой высокой прямой этого вала, а конвой --- обычно по два легионера --- шел по склонам позади осужденного. А расширялась дорога оттого, что часто на казнь собиралась толпа и двигалась медленно по обочинам за преступниками, шумела, осыпала их бранью и насмешками и с каждым разом раздвигалась все дальше, вытапывая новые низкие придатки дороге. Это всего этого Лобное место зачастую нельзя было отличить от нее, казалось, будто бы это возвышение является вполне естественным пологим ее завершением. Дорога медленно делалась выше и шире, и гораздо быстрее навстречу ей уменьшался из-за толпы холм казней, потому холм этот довольно часто обнаженные по пояс бритые легионеры засыпали свежим песком из долины Еннома.

Сотни лет все происходило именно так. Серая мертвая дорога уходила от тюремной ямы и упиралась в живую желтизну холма смерти.

Но вот недалеко от нее появился странный огромный дворец Ирода, тот, кто приказал его выстроить, никогда не увидел его, но им воспользовались римляне. Там свершался римский суд над иудейскими преступниками, там селился раз в год, на пасху римский наместник в Иудее, там весь оставшийся год жил его заместитель; отсюда уходили заключенные либо в Город, свободные, стараясь никогда больше не увидеть страшной дороги, стоя на ней; либо в темницу, либо вперед, до конца, на столб.

Потому дорога от тюремной ямы уходила теперь в две стороны --- длинная серая и страшная к Лобному месту, и короткая, в ширину старой, желтая, присыпанная мелким песком долины Еннома ко дворцу Ирода.

Страшен был западный край великого Города, страшен мертвой высокой серой дорогой, распятой между веселой желтизной песка, страшен Енномской пустыней, что лежала сразу за ней, страшен обилием, силой и властью столь ненавидимых в Городе римлян.

Из-за того ли, что место это было столь жутко для людей, или, наоборот, он дополнял собою мрачность этого места, однако люди боязливо ненавидели и того, кто теперь жил во дворце Ирода раз в год, кто отправлял на казнь осужденных, чье сердце не знало жалости, а губы --- улыбки, кто был в ту пору римским наместником в Иудее, словом, люди боялись Понтия Пилата.

Каждый раз, когда должна была состояться казнь и люди собирались толпой у дороги по обоим сторонам ее, давили друг друга, толкали, пытаясь пролезть вперед, но не решаясь ступить ногою на мертвую серость; каждый раз, когда злая толпа ожидала появления приговоренных на дороге, стоял на широком балконе дворца Ирода Пилат, с презрением смотрел на толпу, ждал осужденных, молча, в одиночестве, и никому не было дано понять, о чем думает этот римлянин.

Так было и теперь. Орала нетерпеливая толпа, жарко палило солнце, на балконе стоял Пилат. Он был недвижим и тонкие его губы одаривали застывшей презрительной усмешкой каждого, кто решался взглянуть на него. Так было всегда, но сегодня он думал не только о дороге, о том, отчего она посередине серая, высокая и безжизненная, а по краям желтая, обыкновенная и живая; сегодня мысли его были обращены к толпе, к тому, что заставляет людей собираться всякий раз, когда назначена казнь. Сколько лет отправлял Пилат на смерть преступников, но сегодня впервые он задумался об этом. А задумавшись, ужаснулся, как только пришла ему в голову мысль о том, что вот и он стоит на балконе всякий раз, когда их ведут к Лобному месту. К чему людям кровь? Почему доставляет им удовольствие зрелище умирания человека? Ведь чем мучительней его смерть, тем удовлетворенней остаются созерцатели. Может, рядом с обреченным на смерть, человек чувствует себя свободным и живым более, чем обычно, что доставляет ему звериную радость? Но почему им не безразлично, чья льется кровь --- разбойника или философа, преступника или невинного? Почему они отпускают убийцу и убивают мыслителя? Да потому, что с убийцею все просто: совершил --- ответь, а смерть философа нелепа и потому им ближе --- неясно за что он умирает, смерть трагичней --- радость больше! Смешно!..

Пилат сжал левою рукою кулак правой, и расположил, сцепив, руки на уровне живота. Там, где кончалась желтизна тропинки Иродова дворца, у темницы, блеснула на солнце яркая белизна обнаженных обреченных тел, и бликом отразилось солнце от солдатских лат в глаза Пилату.

Их вывели на дорогу, взвалили на плечи им по две крестом сколоченные балки, тупыми концами копий толкнули в спины и повели прочь от Пилата, наверх, на желтый холм Лобного места. Толпа закричала, обгоняя себя, побежала вослед и стала горстями кидать в обреченных песок.

Немногие из тех, кому жестокий римский суд назначает пред казнью тридцать девять ударов солдатской плетью, умирают назначенной смертью на столбе, ибо плеть эта туго сплетена из бычьих жил, и на концах у нее острые мелкие крючья из железа; преступники умирают от боли, когда

разодранную плоть сразмаху бьет веревка, и крюк вспарывает мясо рядом; немногие из них живы до тридцать девятого удара.

Но один из тех, кто шел теперь по серой страшной дороге, выжил после подобного бичевания. Это был назарейнин Иисус, шедший позади остальных. Все тело его было разодрано, красная кровь каплями сочилась из-под кожи и бледнела на серой утопанной дороге не так охотно, как вино на желтом песке; Иисуса то и дело подгоняли, заставляли идти, пока он с одним из новых ударов легионера в спину не свалился наземь, и черный крест не накрыл его белого худого обнаженного тела. Остановились солдаты сзади него, остановились, окликнутые, передние легионеры, остановились двое разбойников, на мгновенье притихла толпа, и вновь посыпался на упавшего песок и брань, оттащили крест, стали пинать преступника, поднимая его.

Пилат расцепил с силой сжатые руки, склонил голову чуть на бок, прошептал: "Да будет так!" --- и исчез с балкона.

На дороге шестеро в латах растерянно озирались по сторонам, двое обнаженных и усталых гнули спины под крестами и порой вскрикивали от заноз, бесновалась толпа и лежал неподвижный назарейнин.

Из толпы на дорогу ступил маленький толстый человек, черная борода из-под белого тюрбана спускалась ему на грудь, он сказал два слова легионеру, тот взглянул на напарника, оба пожали плечами, взяли крест, взвалили его на плечо вызвавшегося человека и вновь обратились к Иисусу.

--- Он стонет, --- сказал один.

--- Нет, он говорит, --- ответил другой. --- Он хочет пить. Он просит воды.

--- Будет ему пить! --- язвительно проревел солдат. --- Будет ему вода! Поднимай его!

Иисуса подняли на ноги и пинками заставили идти.

Шли по серой дороге десятеро: трое нагих преступников, шестеро римских легионеров, и плелся позади остальных маленький крепкий хлебороб, неся на своих плечах крест ослабевшего Иисуса.

Ноги назарейнина то и дело подворачивались, руки висели вниз, сотрясаясь лишь при ходьбе, глаза бессмысленно глядели под ноги, грязные спутанные волосы клоками спускались к груди, голова медленно отворачивалась от песка толпы, и губы шептали: "За что?" Не было теперь для Иисуса ни серой дороги, ни белого дворца, ни синего неба, ни злого солнца, ни жестокой толпы, ни близости смерти, лишь ноющую его голову колотили изнутри резкие мысли.

За что, Господи, они убивают меня? За то, что я возмутил покой? Бросил камень в тихое озеро великого Города? Боже! Они ничего не поняли! Быть может, моя в том вина?..

Камень подвернулся под ногу, Иисус едва не упал.

... Сын Божий... Собственное учение... Нет же! Не собственное учение! Кто посмел бы поднять руку на предписанное Богом через величайшего пророка своего Моисея, сына Леви? Это закон, который должно выполнять каждому...

Песок, брошенный с хохотом из толпы, попал Иисусу в рот, он не заметил этого.

Вот, говорят, евреи --- богоизбранный народ. В чем эта самая богоизбранность? В том ли, что Господь евреев хранит их? Так ли это? Тогда почему их ненавидели и уничтожали всегда: поработали египтяне, воевали и властвовали над ними филистимляне, кападокийцы, римляне, и они выживали, оставались целым народом, а не племенами, не коленами, не семьями. Вот она --- избранность! Избранность в том, что нам дан был закон, правила, по которым следует жить, чтобы выжить, и дан он нам был с первых столетий существования народа Израиля, нам не пришлось, как другим народам, выработать этот закон путем долгих, совершаемых из поколения в поколение ошибок. Вот и вся избранность... Боже!.. Как хочется пить...

В толпе закричал кто-то, один из разбойников споткнулся, его хлестнули плетью, он застонал и поплелся дальше.

Собственное учение... Нет!.. В мыслях моих было старое учение, единственное учение, слово Бога, слово Моисея, слово горы Синай приспособить для теперешней жизни, чтобы соблюдение мудрого закона не переходило в фанатичное исполнение древних ритуалов. Жизнь за тысячу лет переменилась, а коли так, следует переменить и закон этой жизни. Не создать новый, а лишь переменить тот мудрый, единственный, для нового великого Города. Конечно, для книжников ни единая буква не должна быть изменена в слове Всесильного. Кто я такой, чтобы сделать это? Для них это святотатство. Они правы... Я --- вероотступник!..

Иисус открыл рот, поднял голову, солнце больно ударило по глазам, он увидел чистое без единого облака синее небо, взгляд скользнул по толпе и впился в человека лет тридцати, красивого и стройного, глаза которого были старчески тусклы. Иисус остановился и позвал его:

--- Агасфер? Ты ли это?

--- Это я, учитель, --- ответил тот трескучим сильным голосом.

--- Боже, как ты молод! --- удивился Иисус.

--- Возблагодарим Господа! --- с усмешкой ответил Агасфер.

--- Иди, Царь Иудейский! --- копьё толкнуло Иисуса в спину.

Он прошел немного, и вновь Агасфер оказался перед ним. --- Воды, Агасфер, --- обратился он к нему. --- Дай напиться, прошу!

--- Нет, учитель! Ты не получишь от меня ни глотка.

--- Почему, Агасфер? Кувшин твой полон!

--- Да потому, что за то убьют и меня. Для того ли ты подарил мне жизнь, чтоб ее отобрать? Это жестоко, учитель! --- Агасфер присел и захватил в руку горсть песка.

--- Ты прав, Агасфер! --- кивнул Иисус. --- Живи! Как свидетельство бывшей у меня силы, живи, Агасфер! И пусть каждый знает, что ты жив!

Песок из руки Агасфера рассыпался по волосам Иисуса, толчок в спину, и снова назарянин шел вперед по серой дороге к желтому холму.

Избранный народ --- евреи! Избранный тем, что не язычники, лишь им дано понять Всесильного Безымянного Единого Бога, облика которого никто не видел, голоса которого никто не слышал, в существовании и величии которого никто не усомнился. Лишь этот Бог --- сила, сотворившая свет, лишь избранным евреям дано понять, что Бог велик в своей неизвестности. Моя миссия была на земле объяснить это несведущим, моя ошибка была в

том, что сказал об этом людям, и стали приходить не к Богу, а ко мне. "Вот он --- сын Божий!"

Боль прошла по спине Иисуса жестокой волной и пригнула его тело к дороге.

Я всего лишь хотел через себя привести каждого к Богу, а произошло ужасное: люди приходили ко мне, а дальше не двигались, Бог вовсе стал закрыт для них, и этой мраморной дверью, осыпанной драгоценными камнями, изрезанной узорами, красивой, но тяжелой дверью стал я. Теперь я умираю. Пришла пора... Меня убили чтущие Бога, а оплакивают незнающие его. Прости меня, Боже! Я не хотел твой великий сокрытый образ подменять своим распятым обликом. Прости!..

У самого холма стояла молодая женщина в цветном покрывале, волосы и брови ее были черны, как ствол смоквы на закате, кожа смугла, а глаза глубоки, как море Киннереф, одна рука ее утонула в покрывале, другую она придерживала его у горла.

--- Магдалина? Это ты? --- спросил ее Иисус, едва увидев.

--- Я! --- ответила она, в улыбке облизнув губы.

--- Ты здесь, Мария?

--- Где же мне быть, Иисус?

--- Почему ты здесь?

--- Потому, что именно здесь сегодня людей больше, чем где бы то ни было.

--- Нет, --- Иисус качнулся, провел рукою по лбу. --- Нет... Ты пришла сказать мне что-то? В последний раз?

--- Нет, Иисус, я пришла в последний раз увидеть твоё белое тело! --- усмешка пробежала по ее лицу.

--- Нет... --- прошептал он.

Она часто закивала, и вновь тупым концом копья его заставили идти.

На пологом желтом холме основаниями к вершине лежали в ожидании три креста, и шестеро солдат взяли в руки по молоту.

--- Молитесь! --- властно сказал кто-то. --- Вам не до того будет после.

Маленький толстый человечек, что шел с ними весь путь, отирал теперь рукавами пот с лица и шеи.

--- Как имя твоё, хлебороб? --- спросил его Иисус.

--- Симон из Кириanei, --- ответил тот тихо, слегка склонив голову.

--- Спасибо тебе, Симон! Бог с тобой!

Иисус упал на колени, голову опустил, сложил под подбородком руки --- ладонь к ладони, черные тонкие усики над губою дрогнули, закрылись глаза, и он стал шептать что-то так, что только хрип слышали стоящие близко. Орала толпа, сжали солдатские руки дерево молотков, стояли, опустив головы, двое преступников. Иисус замолчал, сжал губы, зажмурился и, не открывая глаз, не поднимая головы, резко раскинул руки в стороны. "Все! --- стукнуло в его голове. --- Мне тридцать три... "

... Был час третий, и распяли его. И была надпись вины его: "Царь Иудейский"...

Если посреди бешенства города ранним, еще темным утром повлекут гулким звоном огромные колокола старой церкви, которую со всех сторон уже давно обступили высотные дома, возможно ли противиться желанию

выйти на улицу из квартирнoгo тeплa в вeсeннюю прoхлaду и пoйти тудa, нa кoлoкoлa, нa мoлитву?

--- Христoс вoскрeс! --- oкликнeт прaвoслaвный Сeргeй, и oкликнутый им прoмoлчит в oтвeт.

И пoйдут oни в хрaм мoлчa, вслушиваясь в брoнзoвый гул, всмaтриваясь в зoлoчeныe купoлa. И зaблeстят oт фoнaрeй и oтрaжeний дoбрыe сeргeeвыe глaзa, и пoд тoнкими чeрными усикaми зaшeвeлeтся в улыбкe тoнкe губы, вzlетят нa вeтрe eгo чeрныe длинныe вoлoсы.

И грoмчe гул кoлoкoлoв, и мнoгoчislнeннeй кaжeтся тoлпa, и вeличeствeннeй --- цeркoвь.

--- Чтo с тoбoю, Aркaдий? --- спрoсит Сeргeй, внeзaпнo свeрнув, нe вoйдя в хрaм.

Тoгдa лишь глaзa зaмeтят Aркaдия --- чeлoвeкa вeликoй дoбрoты с жeсткими, злoбными чeртaми лицa, --- кoтoрый сидит тeпeрь нa зeмлe у цeркoвнoй oгрaды.

--- Чтo с тoбoю, Aркaдий? --- внoвь спрoсит Сeргeй, пoдхoдя.

Aркaдий пoднимeт гoлoву, oткинeт сo лбa свoи длинныe вьoщиeся вoлoсы.

--- Пoчeму ты нe идeшь в хрaм? Или ты ужe был тaм?

--- Нeт, --- oтвeтит Aркaдий глухим низким гoлoсoм. --- Нe был.

--- Тaк пoчeму нe идeшь?

--- Нe мoгу.

--- Нe пoйдeшь?

--- Нeт... Нe мoгу...

И улыбнeтся Сeргeй, и кивнeт, и умoлкнут кoлoкoлa, лишь ступит oн зa oгрaду.

Душнo в хрaмe в пaсхaльнoe утрo. Мнoгo людeй --- мoлящихсeя, пришедших пoсмoтрeть, пьяных, вoстoржeнных, бeзрaзличных, циничных, вeрующих, старых, глупых, нaпряжeнных и урoдливых. Нa oднoй нoтe твeрдит дьячoк мoлитву --- длинную, приглушeнную oдeждaми сoбрaвшихся прихoжaн, нo слышную всeкoму в хрaмe и нeмнoгим внe. В рaзнoе врeмя в рaзных мeстax цeркви вздымaются мoлoдыe руки, нaклaдывaют ширoкиe пoкaзныe крeсты нa свoих влaдeльцeв, руки сухie мeлкo и бeстрo притрaгивaются кo лбу, к живoту и плeчaм, и кисти срeднeгo вoзрaстa, крeстящиe нeумeлo oбрaщeнных к вeрe вчeрa или трeтьeгo днeя. Нo eсть в цeркoвнoй тoлпe юнeц, нe нaлoживший нa сeбя ни oднoгo крeстнoгo знaмeния, ни рaзу вмeстe сo всeми нe прoизнeсший "Aминь!" Этoт сaмый юнeц видeт сухую старуху, кoтoрaя гoрлoм бeз гoлoсa грoмкo пoет вмeстe с oднoгoлoсoй мoлитвoй свящeнникa, вытeгивaется к алтaрю, крeстится дрoжaщe-мeлкo, сгибaется, кaсaeтся пaльцaми пoлa, цeлуeт икoну Бoгoрoдицы, oблизывaет бeлыe губы и снoвa пoет, хрипит, издaeт звуки. Видит юнeц рoбкиe движeния рук, тoлпу гoрящих, кaпaющих вoскoм нa руки, трeскучих свeчeй, зaцeлoвaнныe стeклa икoн, улыбки вeрующих прихoжaн при oтвeтe "Вoистину вoскрeсe!"

Улыбнулсeя Сeргeй, пeрeкрeстился и при нaчaлe нoвoгo звoнa вышeл из хрaмa.

И кoлoкoлa удaр!

И ктo-тo oбнял в тoлпe дeвушкy.

Удaр!

И ктo-тo вскрикнул, oбoжжeнный кaплeй вoскa.

Удар!
И стало перед глазами красивое молодое бородатое лицо.
Удар!
Другое лицо --- старое, сморщенное, пропитое.
Удар!
Пустые, рыбы глаза.
Удар!
Сухая рука со стаканом.
Удар!
Зеленый плащ, усмешка бороды.
Удар!
Лохмотья старого печального нищего. Посох...
Удар!
Женщина, ее строгое, пожилое лицо.
Удар!
И колокольный перезвон...

Аркадий, все так же за оградой, стоит на колокола, опустил голову, закрыл глаза, сжал руки за спиной. Вышел из храма к нему Сергей, и лишь смолкли колокола, поднял Аркадий голову, широко перекрестился, и заботливые руки бывшего в храме Сергея прошлись по лицу не вошедшего в храм Аркадия, вытирая ему слезы. И обнял Аркадия Сергей, и поцеловал его, и сказал:

--- Все... Все в порядке, Аркаша! Христос воскрес!

Аркадий кивнул, обнял в ответ Сергея, прошептал:

--- Да... Все так...

И, когда уходили они вдвоем, смотрел им в спину от храма все тот же некрещенный юнец...

Грохотали пролетающие мимо машины, стал гаснуть свет в окнах высотных домов, открылось метро, и исчезла толпа у церкви.

Горел над городом рассвет...

... Марк поднял голову со влажных от слез рукавов, отодвинулся боязливо от края обрыва, сел на ноги, взял в руку немного песка и тупо, растерянно стал озираться по сторонам. Он не замечал того, что по щекам двумя ручьями текла соленая вода, он привык к ней. Свободной от песка рукой Марк прикоснулся к шее, так недавно сжатой Иудой, она не ныла больше, Марк глянул на черепки разбитой чаши, на сухой липкий камень, на желтый, без следов разлитого вина, песок, на воду, и взгляд его остановился. Марк не двигался, он был поглощен переживанием нового тяжелого чувства --- отсутствия чувств вовсе. Он не ощущал горя, не было в нем жалости, пропала куда-то впечатлительность, исчезло желание писать. В голове его вязко, медленно и неохотно ползли мысли об Иуде, о том, что он здесь говорил, о том, как зол был его разум и о том, как глупа была его смерть. Хотелось бы знать, что сказал бы об этом Учитель...

Подул ветер, и легкая рябь пошла по Кедрону от обрыва до другого пологого берега.

Учитель!..

Иглы прошлись по телу Марка.

Как мог он забыть об Иисусе!

Марк вскочил, наскоро вытер надоевшие слезы и побежал прочь от Кедрона к Городу.

В пятом часу рыбаки из Ракона стали поворачивать лодки к берегу, и причиной тому было вдруг почерневшее пространство у горизонта между морем и небом. Чернота быстро заливала небо, и люди в лодках часто сменяли друг друга на веслах. Но как ни старались рыбаки, и как медленно ни ползла по небу туча, суши они достигли одновременно.

На желтом холме на трех крестах извивались три обнаженных тела. Руки и ноги преступников были прибиты гвоздями, текла кровь из растянутых дыр, и каждое движение отзывалось страшной болью в теле умирающего. Двое разбойников еще озирались по сторонам и скалились на людей, а распятый посредине Царь Иудейский уже не видел ни бешеной толпы, ни одинокой Магдалины, которая в прежней позе спокойно и серьезно смотрела в его лицо, ни полуголых солдат, изнывающих от жары и шума. Иисус пребывал в забытьи, и виделась ему в синеве злого пекла холодная чернота звездного неба. И посредине престол, на котором была огромная книга, закрытая семью печатями и богато отделанная золотом. И вокруг нее беспрестанно падали ниц, поклоняясь, двадцать четыре мудреца-старца, четыре прекрасных животных и сто сорок четыре тысячи израильтян, по двенадцать тысяч из каждого колена, отмеченных божественной печатью. И выступили вперед семеро чудесных ангелов, каждый с золоченой трубой в руке, и обступили престол. И сняты были печати с книги неведомой невидимой силой, и ангелы приготовились трубить. Раскрылась книга, одарила поклонявшихся благодатным огнем. И пред престолом появился первый ангел, ликом сходный с чудным младенцем и затрубил. Вырвался из книги огонь и, смешавшись с горячей кровью и ледяным градом, обрушился на землю. И горели деревья, и сочная трава горела, словно сухое сено.

Сменил первого второй ангел, подобный отроку, поднял свою трубу и затрубил. И тотчас огромная гора, объятая пламенем, обрушилась в великое Средиземное море, и треть воды в нем стало соленой кровью, и треть рыб и морских животных и птиц погибла, и опустилась на дно треть морских судов.

Ноги Марка проваливались в песок, внезапный крепкий ветер дул прямо в лицо, заставлял зубы скрипеть песчинками и задерживал бег торопливого Марка. Он достиг, наконец, дороги, откуда увел его Иуда, и ступил в Город.

Кровь текла по рукам и падала с локтей, кровь заливала ступни и сочилась из-под кожи, где ее пронзали занозы, боль охватывала тело Иисуса и вызывала в мутной голове его страшные картины. Сходный лицом и фигурой с прекрасным юношей третий ангел вострубил пред престолом, и упала с неба яркая, пылающая звезда Полынь, и третья часть рек и источников вод стали горьки, и умерли от вод многие из людей, ибо сделались они полынью.

Туча прошла над Раконом и, подгоняемая могучим ветром, понеслась над нижним притоком потока Кана. Она выходила из-за горизонта, не имея в себе просвета, будто ветер не гнал ее, а лишь расширял и растил.

Ангел четвертый, являющий собой молодого мужчину, затрубил в данную ему трубу, и тотчас для распятого назарянина померкло солнце, затмилась третья часть звезд и луны, исчезла треть небесных светил, и

нельзя было больше отличить день от ночи, ибо день был не светел, а ночь не темна.

Марк ступил в узкие переулки окраин и побежал быстрее. Камень подвернулся ему под ногу, он споткнулся, упал, разбил локоть, тут же вскочил и вновь стремительно побежал на другой конец Города.

Пятый ангел, имевший вид мужчины зрелого, вострубил, и вновь звезда рухнула на землю, разверзла чрево ее, и вместе с серым дымом вышли из него стаи злой саранчи. И стала она кусать людей, и от укусов этих люди не гибли, а мучились страшными муками так, что искали смерти и не находили ее. Рыдания и вой стояли по всей земле, и от воя этого гремела гудящая голова Иисуса. Небесная чернота накрыла верхний Беф-Орон, захватила Массифу и достигла, наконец, Города.

Толпа стала редеть, легионеры, поеживаясь от жесткого ветра, надели свои одежды, и лишь пребывающие на крестах не замечали ничего.

Шестой ангел с лицом пожилого мужчины затрубил, и возник табун ужасных коней с хвостами, подобными змеям, и из ртов коней и змеиных голов выходили огонь, дым и сера, которые вредили людям, слепили глаза и забивали дыханье, и умерла при этом третья часть всех людей.

Марк не думал о том, почему перестал ветер, о том, почему почернело небо и почему снова стало вдруг так жарко. Он бежал по серой дороге к посеревшему Лобному месту, и серое небогнуло его к земле. Он бежал, низко опустив голову, и остановился только тогда, когда под ногами показалось светлое подножье страшного холма. Марк медленно поднял голову и широко открытыми глазами увидел под огромной тьмой, что цеплялась за вершину креста, распятого Иисуса, который, уставившись в небо и открыв рот, бессмысленно перекачивал голову с одного плеча на другое. Холодный хохот Иуды вдруг послышался Марку в прогремевшем далеко на западе громе. Марк опустился на песок и, схватившись за шею, зарыдал. А рядом плакали, обнявшись, две женщины: чернокурая в цветном покрывале рыдала Магдалина на плече пожилой строгой женщины в черном балахоне, по лицу которой скупом катились две слезы.

И седьмой ангел, подобный мудрому старцу, вострубил, и глас трубы его был громче и длиннее прежних, и воцарился на земле покой, и раскрылась книга Божия до конца всякому, и пали ниц в благодарности старцы, животные и Израиль.

Тряхнул головой Иисус, отогнал видения, и все вдруг стало ясно, четко и понятно, пропала куда-то боль, увидел он небо, черное от тучи, песок холма, длину дороги, одинокого легионера, напуганного Марка, обнявшихся женщин. Улыбнулся Иисус Магдалине и узнал пожилую, держащую ее в объятьях. Стыдливый испуг мелькнул в его глазах, он вскрикнул:

--- Мама!..

И с криком этим дух покинул его.

Молния разодрала черноту, ударил об землю гром, Иисус нелепо уронил голову, повис на гвоздях, завеса в храме взлетела на сквозняке, и южный ливень загнал в дома тех, кого не испугала туча.

И лишь оставались у холма трое: Магдалина, Марк и пожилая женщина с зелеными глазами, строгим и красивым лицом, --- мать умершего на кресте в канун пасхи назарянина Иисуса...

... Если бежать по длинным эскалаторам между станциями метро так, чтобы пестрые одежды стоящих по правилам справа не цеплялись за любопытный глаз, а мчались навстречу и мимо, то где-то внизу можно встретить сходящими с лесенки тех медлительных пассажиров, что уехали в поезде, который пришел на три минуты раньше того, что увез тебя, теперь бегущего...

Дождь перестал, и страшная туча исчезла так же внезапно, как и пришла. Не было вокруг никого, и лишь падали капли с крестов, с недвижимых тел, с одежд и мокрых, слипшихся волос троих у холма. Марк теперь сидел на мокром песке, Магдалина на камне всхлипывала по временам да поглядывала на средний крест, и стояла рядом Мария, мать Иисуса.

--- Расскажи мне, Марк, --- говорила она, --- расскажи мне о нем. Я совсем ничего не знаю с тех пор, как его выгнал реб Иешуа...

И Марк рассказывал, рассказывал о том, как он встретил Иисуса на берегу Иордана, о слабоумном нищем, о том, как он пошел за сыном Божьим, о том, что случилось с юродивым, о том, как Иисус проповедовал в синагоге, о том, как пришли ученики, и в их числе Иуда Искариот, что предал его, о том, как насыщал людей малым количеством пищи, о том, как исцелял безнадежных больных, о том, как воскрешал мертвых, как вода обращалась в вино по его слову, о последнем ужине, о поцелуе Иуды и его смерти. И когда рассказ его подходил к концу, слезы сверкнули в его глазах, и он, заплакав, прошептал:

--- Утонул Иуда, и умер Иисус. Так скоро! Они были такими... такими... интересными...

Мария вздохнула, уголки ее губ дернулись, но не вышла улыбка на лице ее, она смотрела на сына и, прервав тихий плач малыша Марка, заговорила:

--- Двадцать лет я не видела сына. Но я столько слышала о нем. Однажды я пришла в дом Симона, где он проповедовал в тот день, но в доме и вне его было столько людей, что пройти вперед не удавалось. Как жаль, что я встретила с ним так поздно. Ты говоришь, что пишешь, Марк?

Марк кивнул.

--- Верно, Марк. Да. Умер Иуда. Умер Иисус. Но живешь ты, Марк. Опиши все это! Опиши, как родился он, как рос, я поведаю тебе о том, расскажи обо мне и о старом плотнике Иосифе, о том, как пошел он в ешиву, о мудреце Иешуа, о юродивом у Иордана, о рыбаке Симоне, о грешнице, что покаялась...

Магдалина закрыла лицо руками, а локти поставила на колени. Голос Марии Матери становился сильней, она не отрывала глаз от окровавленного креста и говорила, говорила:

--- Напиши, Марк, напиши о том, как я искала его, ходила туда, где, говорили люди, он учил, но не попевала, напиши, как говорил он, что делал и чему учил, за что схватили его и повели к Каифе, напиши, Марк, как били его, как насмехались над ним, как казнили его, --- слеза блеснула на ее покрасневшем веке и покатила по щеке. --- Напиши, Марк, как я пришла за ним к Лобному месту и вновь опоздала... Он умер,

но ты живи! Тебе так много еще нужно сделать, Марк... Будь благословен труд твой!

И прежде, чем скрыться на ночь, красное закатное солнце осветило последними лучами крест, мертвое тело Иисуса и мать его Марию, что одиноко стояла у подножья холма и чуть слышно шептала:

--- Пиши, Марк, пиши... Только пиши...

Если бежать по длинным переходам между станциями метро, а пожалуй самые длинные они у кольцевой, так вот, если как можно быстрее идти по эскалаторам вверх, проталкиваться при помощи локтей на площадках между ними и стремительно нестись вниз, так, чтобы пестрые одежды стоящих по правилам справа не цеплялись за любопытный глаз, а мчались навстречу и мимо, то где-то внизу можно встретить сходящими с лесенки тех медлительных пассажиров, что уехали в поезде, который пришел на три минуты раньше того, что увез тебя, теперь бегущего.

Газетчики --- фашисты, демократы --- с разными настроениями и различной степенью воинственности встречают и сбегаящих и сходящих попытками всучить свою прессу. Высокий худой юноша с романтическими глазами спешит через зал к глухой противоположной эскалатору стене, где уже целых три минуты ждет его маленькая стройненькая девушка. И она шутиливо нахмурит бровки, когда он подбежит, и даже, может, топнет ножкой, а он всерьез виновато скажет "Прости!" и протянет ей букет голубых дешевых цветов. И они выберутся из-под земли и, наверное, пойдут гулять в парк.

Какая-нибудь смешная баба лет сорока, в теле, с деловым выражением лица, поджатыми губами и глупыми глазами вручит почти насильно прямо в руки бесплатную, совсем не нужную брошюрку, и придется, чтоб не обидеть эту самую бабу, сунуть врученное ею в карман. Справа толкнут чемоданом, слева потребуют милостыни, а впереди ноги споткнуться о тело спящего пьяницы.

А за колонной прощаются двое влюбленных подростков, и он целует ее и говорит, стараясь сделать голос как можно мягче, что ему пора. Она держит его за отвороты курточки и смотрит умоляюще-властными глазами в его, чуть снизу вверх, но немного надменно, и он вынужден сказать: "Ну, ладно! Поеду на следующем!" Она поднимается на цыпочки, держась за отвороты его курточки, и губами касается осторожно его губ... И ему пора, но он готов пропустить еще хоть сотню поездов.

И подкатит поезд, и хлынет толпа, и еще можно успеть увидеть, как мамаша шлепнула упрямого малыша, ярко горящие цифры часов, "Осторожно, двери закрываются! Следующая станция..." Грохот закрываемых по всему залу дверей поезда, и он дернется с места, и рука судорожно поймает поручень, и глаза сквозь повелительную надпись "Не прислоняться!" разглядят остающихся газетчиков, смешную бабу с брошюрками, пьяницу на полу, нищего, целующихся подростков, людей, людей...

А в вагоне три милиционера, четыре военных, мамаша с прежде шлепнутым, теперь плачущим ребенком, ослепительно красивый негр с европейским лицом и длинными пальцами, мальчик, что демонстрирует всем свое обручальное кольцо, старуха, с суровым видом играющая на детской электронной игре, студент с дипломатом, семья кавказцев с тюками,

сидящий на полу хиппи, женщина, облизывающая круглое мороженное и усмехающийся бородач в плаще, безмолвно и сверху на все взирающий.

"Станция Павелецкая!"

Тот же грохот теперь только открываемых дверей, и снова хлынула толпа, снова длинный зал, снова эскалатор вверх, и любопытные глаза вгрызаются в лицо каждого, едущего сверху: инвалида, перебирающего костылями по ступенькам, человека с красным лицом, влюбленной пары, ссорящихся супругов, уборщицы, тряпкой протирающей между эскалаторами, красивой девушки, одноглазого уroda, величественной старухи, жалкого парня, белого морячка, семилетнего одинокого ребенка и тысячи других лиц, сливающихся в бело-красно-крашенные пятна и серую пестроту одежд и поз.

Недолгий свет, солнце, и сразу --- длинный подземный переход к вокзалу.

По одной стене киоски, киоски, в них игрушечно-электронно-сладкая роскошь с иностранными завлекающими буквами и открытые рты и разинутые глаза перед ними, снова бабы с брошюрками, газетчики, с одной стороны толкнут плечом, с другой --- необъятным тюком, пары, сигаретный дым, между колоннами посредине --- мороженицы, толстые и румяные, по другой стороне перехода --- нищие, пьяницы и бомжи; мужик сидит на чемодане, играет на баяне и бьет по этому самому чемодану ногой, как по барабану, и, конечно же, в шляпу ждет денег. Тут же одинокий саксофонист, здесь клавишник с маленькой поющей дочерью. Гам, шум, шум, крик. Но ухо выдирает, выделяет из всего этого музыку, скрипку, поющую что-то такое знакомое, такое родное. И еще не зная, что это, глаза сквозь дым и шум высматривают где, ноги сквозь людей и толпу идут туда.

Пьяные мужики, обнимая пьяных девок пытаются изобразить под *это* медленные круги танца. Плавают, блистая, глаза, дымят рты, ругаются головы. И стоя у одной колонны и опустив свой школьный заплатаанный рюкзачок, набитый книгами и потому остроугольный, силится вспомнить, что это за мелодия, такая родная и близкая, смотрит на музыкантов, будто в лицах их можно найти ответ, впечатлительный юнец, который только что бежал по эскалаторам, всматривался в лица людей, не мог сдержать переполняющего его восторженного любопытства, но все же бежал к ждущей его дома матери, а теперь остановился и слушает это родное и знакомое...

Черный курчавый молодой еврей-скрипач вел эту мелодию, она вела его, он шел, он нырял за ней, закрывал глаза, нагибался за смычком, гнулся к динамикам, попеременно закрывая собой то одного, то другого электрогитариста, те, один суровый, с вьющимися волосами, собранными сзади, и другой, длинный, прямоволосый, добродушный, лишь подыгрывали незнакомому чернокурому скрипачу.

Юнец нахмурился и напряженно тер себе лоб, но вдруг он кивнул, улыбнулся и закрыл глаза. Покачиваясь, он стал чуть заметно шевелить губами.

На эту самую мелодию пел только что обретенные слова, пепельнобородый старец. Он стоял на скале, раскинув руки. Истлевшие лохмотья чуть прикрывали его тело, он пел, не смотря на то, что в старческом голосе не было прежней силы, он пел, стоя на самой вершине острой горы Нево, одинокой горы в широкой пустыне; он пел, потому что

знал, что смерть настигнет его здесь, сейчас... Он много сделал для тех людей, которые теперь ждут его там, внизу; за сорок лет, что они ходили по пустыне, эта кучка людей превратилась в народ. Это --- дети Иакова, это --- Израиль. Они пойдут в землю Канаана, где течет молоко и мед, лишь старцу, стоящему на скале не суждено увидеть этот чудесный край. Да пребудет Бог с народом моим! Слушай, Израиль! Господь мой един и всемогущ! Шма, Израэль!

Так же молился другой, молодой, в саду Гефсиманском, на холме, мерно покачиваясь в такт все усиливавшегося молодого голоса, повторял бесконечные периоды молитвы, и она неслась над вечерним садом, над чуть колыхавшимися деревьями, над спящими учениками, над Городом, над Израилем, вслед уходящему солнцу, за день до смерти.

"За минуту до смерти!.. Надо успеть!.."

А лучше сейчас, сейчас...

И вот, шестнадцатилетний впечатлительный юнец под громкую древнюю музыку шепчет, чтоб кто не услышал, в грязном московском подземном переходе древние слова.

Шма, Израэль!

Я опишу все это!..

Хошем элохейну!

Опишу...

Хошем эхат!..